

Мой друг Стикман

Александр Малышев

Александр Малышев
Мой друг Стикман

«Автор»

2026

Малышев А. С.

Мой друг Стикман / А. С. Малышев — «Автор», 2026

Бумажный человечек из лужи, который помогает всем и не умеет отказывать.
Мальчик, который обещал себя не приказывать. И одно слово, которое он всё-
таки скажет — шёпотом.

© Малышев А. С., 2026

© Автор, 2026

Александр Малышев

Мой друг Стикман

Глава 1 Знакомство

Это началось на улице.

Я прогуливался после школы — шёл в никуда, как обычно хожу в никуда, когда не хочется домой^Ы, — и увидел стикмана.

А рядом — тех троих с нашего двора.

Они его мяли. По-настоящему мяли, как мнут лист бумаги: схватили за руку — он из палочек, схватишь за палочку — и вся рука сминается в комок. Стикман разгибался. Медленно, старательно, как расправляют помятую скрепку.

Ничего не говорил. Просто терпел.

А потом один из них достал маркер.

И нарисовал ему на голове — на этой круглой белой голове — фингал. Синий, жирный, как настоящий. Все заржали. Я тоже заржал. Не буду врать: я стоял и ржал вместе со всеми. Как все.

Стикман собрал свои бумажки — он всегда при себе что-то носит, какие-то бумажки, я ни разу не видел, что там, — и пошёл дальше. Со фингалом. Со смятой рукой. Молча. Тут мне стало стыдно. Я не знаю, почему именно тогда, а не раньше. Может, потому что он прошёл мимо меня, и я увидел его вблизи: бумага мятая, маркер на голове — а он идёт.

Ищет, кому помочь. У него, наверное, сегодня был план: кому-то помочь. И эти трое — они в этот план не влезли.

— Эй! — крикнул я. — Эй, стой!

Он не остановился. Я догнал его и пошёл рядом. — Меня зовут Артём. Я учусь в школе номер сто сорок три. А тебя как зовут?

Он молчал. Может, не умеет говорить. Может, не хочет. Он просто шёл и смотрел по сторонам — и я не знал, что он ищет. Кого-то, кому помочь?

Или кого-то, кто не ударит?

Про стикманов я расскажу, пока мы шли. Никто не знает, откуда они. Честно. Они просто пришли в наш город — как будто из ниоткуда. Говорят, их нарисовал какой-то волшебник волшебным посохом. Говорят, они сбежали из чьей-то тетрадки. Говорят, они были тут всегда, а мы просто начали их видеть. Никто не знает. Что известно точно — так это то, что они добрые. Не как в мультиках добрые, а понастоящему: из воды вытащат, кота с дерева снимут, бабке сумку донесут, заблудившегося доведут до дома. И просят ничего. Совсем ничего.

А люди над ними издеваются.

дети — ради забавы. Взрослые — «чтобы не нагнали». Все — потому что им можно. Они не ответят. Они же нарисованные. Их, может, и не жалко даже — так люди говорят. А они терпят. И всё равно помогают. И вот это мне не нравится. Не то что они помогают — а то, что им за это делают. — Так тебя как зовут? — спросил я ещё раз.

Он молчал и шёл.

Тогда я остановился. Встал перед ним — расставив руки, как на физкультуре в игре в салки. Он постоял, посмотрел на меня — я не знаю, есть ли у него глаза, но смотрел он точно, — и попытался обойти. Я не дал. Снова встал. И не собирался отступать, честно. А потом я вспомнил про фингал.

У меня в кармане был ластик. Обычный, школьный, серый — он у меня всегда с собой, потому что я рисую и много стираю. Я достал его, подошёл вплотную и аккуратно — как стирают нечаянно поставленную кляксу — стёр фингал с его головы.

Синяя полоска маркера свернулась в крошки и осыпалась на асфальт.

Голова стала чистой. Белой. Как у всех.

— Вот какой красавец, — сказал я.

Он посмотрел на меня. Я готов был поклясться, что он смотрит на меня — не сквозь, а прямо на меня. Секунду. Может, две.

А потом пошёл дальше. Помогать этим злым.

И вот тут мне в голову пришла идея — такая простая, что я сам себе удивился. У стикманов всех лица одинаковые. Палки, круг, всё одинаковое. Как я его найду завтра? Как узнаю, что это он, а не другой?

Я догнал его снова — в третий раз за день, — достал из рюкзака ленточку. Оранжевую, от наклейки с тетрадки, длинную. И, пока он стоял — а он остановился, он меня слушал, я это понял даже тогда, — повязал ему на ногу. На эту тонкую палочку-ногу. Завязал бантиком, как умею.

— Теперь ты мой, — сказал я. — Оранжевый.

Если никто не сорвёт.

Он постоял. А потом побежал — бумажные ноги бегают смешно, как циркуль, — через двор, через дорогу, туда, где какой-то пацан, кажется, тонул в ручье. Спасать. Опять.

А я пошёл домой.

Уже на углу своего дома я оглянулся — в последний раз за день.

двор был пуст. Никого. Только у детской горки стоял он — маленький, белый, с оранжевой лентой на ноге. И держал на руках мокрого пацана.

И на полсекунды — я готов поклясться — он обернулся.

На меня.

Может, показалось. Может, нет.

Глава 2 Спасение дома я попросил у мамы питомца. — Собаку? — не отрываясь от кастрюли, спросила она. — Ну... не совсем.

— Кота?

— Не совсем, — сказал я и приготовился. ■■■■■

Может, стикмана?

Мама выключила плиту. Медленно. Так, как выключают плиту, когда разговор становится серьёзным. — Нет.

— Но почему? Собаку нельзя, кота нельзя, стикмана нельзя...

— Потому что стикман — не питомец, Артём. Это... это живое существо, если верить тому, что они делают. А живых существ не заводят в коробке из-под ботинок. — Я не в коробке! Я бы его...

— Нет, — сказала она окончательно. И потом, уже в дверях моей комнаты, когда я уже надулся и отвернулся, тихо добавила: — Мы посмотрим. Может быть. Потом.

«Потом» — это взрослое слово, которое значит «нет», но вежливо. Я это знал. Но всё равно какое-то время был счастлив. Утром в школе я искал своего.

Стикманы были везде. В столовой один помогал поварихам — таскал кастрюли, нарезал овощи, двигался между столами с подносами. Руки у него — палочки — держали огромную кастрюлю двумя пальцами, и это выглядело смешно и привычно сразу.

Повариха поставила таз — мимо него. Просто мимо, не глядя. Вторая тоже. Никто не сказал ему «спасибо». Ни-кто. Он таскал, резал, носил — а его не было. Как мебели.

Я всё искал ленточку. Оглядывался на переменах, смотрел на ноги — на эти тонкие палочки-ноги, среди которых должна была быть одна, оранжевая. Не находил. К обеду я уже не мог сосредоточиться на математике — в тетради у меня вместо примеров рисовались круги с палками.

Своего не было.

А по дороге домой я увидел то, о чём расскажу, но мне самой этого стыдно.

У открытого окна первого этажа, прямо на лавочке, сидел мужик. Пиво в руке, семечки в кулаке. Рядом с ним стоял стикман — не мой, чужой, ОБЫЧНЫЙ, белый. Стоял и смотрел на дорогу. Может, ждал, когда мужик закончит — и что-то ему поможет донести. Они же всегда помогают. Всегда.

Мужик лузгал семечки. И плевал шелуху ему на голову. На белую круглую голову — шелуха падала сверху и прилипала, а он лузгал и лузгал, и смеялся. И говорил что-то. Я не слышал слов — но по тому, как он показывал пальцем, как кривлялся, я понял: он не рассказывал стикману что-то смешное. Он его стыдил. Стикман стоял и впитывал. Как бумага впитывает воду — без сопротивления, всем собой. Не уходил. Не отворачивался. Стоял. А потом мужик вытащил фломастер.

Розовый.

Он нарисовал ему на груди — на белой плоской груди — топик. Женский. С вырезом. Дорисовал грудь — там, где её у стикмана нет и быть не может. Дорисовал юбку. Всё это — по живому, прямо по белому телу, и линия ложилась розовым, ядовитым, как рана.

— Вот те порция, девочка! — заржал мужик. — Танцуй теперь!

Стикман стоял. В розовом. С семечками на голове.

И я смотрел на это.

И не стал ничего делать.

Я вспомнил вчерашний день — ластик, фингал, ленточку. Я вспомнил, что умею. У меня же ластик с собой. Я мог подойти и стереть. Я мог встать перед ним, как вчера.

Мог. И не подошёл.

Потому что мужик был взрослый. И большой. И пьяный. И я вдруг очень ясно подумал: если я подойду — фломастер достанется мне. И я пошёл дальше. домой. Быстро, не оборачиваясь, и чем быстрее шёл, тем сильнее было ощущение, что розовый фломастер рисует что-то и на мне.

дома я не смог поужинать. Мама спросила — «что с тобой?» — я сказал, что устал. Сел за уроки — и двадцать минут смотрел в одну страницу. А потом достал ластик, положил перед собой на стол и долго-долго на него смотрел.

Он был маленький. Серый. Обычный.

А я был трус.

Перед сном я подошёл к окну. двор был пуст — только фонарь и мокрый асфальт, на котором фонарь лежал жёлтой лужей.

Никого. Ни одного белого человечка. Ни моей ленточки, ни чужой розовой юбки.

И тут я понял одну вещь, от которой стало холодно.

Вчера я стёр фингал. У одного. А сколько их сейчас — с розовыми юбками, с семечками на головах, с фингалами, с надписями маркером — сидит по всему городу и ждёт, что кто-нибудь подойдёт с ластиком?

Один ластик. Один я. Мало.

Очень мало для целого города.

Ночью я не спал.

Ворочался, укрывался, открывался — ничего не помогало. Перед глазами стоял он: белый, в розовом, с семечками на голове. И я думал: если встречу его снова — сотру. Всё, что нарисовал тот мужик. Фломастером по живому — а я ластиком по живому. Верну как было. С этой мыслью я и провалился в сон. Утром еле встал. Мотор не заводился, так сказать. Мама зашла будить, а я сидел на кровати с одним носком в руках и смотрел в стену.

— Артём. Школа.

— Иду, — сказал я.

В школу я всё-таки попал. И на первом же уроке, честно скажу, спал. Училка у нас злая — прилетело мне по полной, будни школьные, что сказать. Бывает и весело. Но не в этот день.

А на перемене всё случилось.

Проходя мимо туалета, я услышал смех. Громкий, загоготистый — из-за двери. Так смеются, когда кому-то плохо, а это смешно. Я узнал этот смех — те же ребята, что и вчера, и позавчера. Всегда у туалета, всегда стоя. Я не хотел подходить.

Честно. Я стоял в конце коридора и смотрел на эту дверь, и внутри у меня всё говорило: иди дальше, Артём, ты же видишь, чем это кончается, вчера ты уже пробовал — и что вышло? Розовая юбка тебе приснилась?

Но ноги пошли. Не я их отправил — они сами. За дверью было слышно, как что-то наваливается на неё изнутри — раз, другой.

Толчок, скрип, толчок.

— Ну давай, давай! Снимайся оттуда! — ржали в коридоре.

Они заперли его там. Стикмана. Изнутри держат дверь — а он толкает, толкает, а она не поддается. Бумажный, лёгкий, весь из палочек — и не может открыть дверь. Не потому что слабый. Потому что её держат четверо.

Я подошёл.

— А ну отошли от двери, — сказал я. Голос дрожал — я слышал. — Отошли, говорю. Они повернулись. Четверо. Смотрели на меня так, как смотрят на муху, которая села на торт.

— Ты чё, Артём? Тебе-то что?

— Мне то, — сказал я и взялся за ручку. Я открыл дверь. Внутри, посреди кафельного пола, стоял стикман — мятый, помятый, как лист, который носили в кармане. Он не бросился бежать. Он вышел спокойно — как выходят люди, которые никого не винят.

Из его руки выпала бумажка.

Один из ребят — тот, что повыше, с прыщом на лбу — поднял её быстрее меня. Прочёл. Заржал: — Тут адреса! Слушайте... «Улица Лесная, бабушка, лекарства». Ха-ха. Он ходит по адресам! Как почтальон!

— Отдай, — сказал я.

— А что? Порвать? — он замахнулся, прижал лист к груди и стал мять его в кулаке. Я шагнул ближе — сердцем почувствовал, что сейчас будет драка, и что их четверо.

Но он вдруг скривился. Как будто лист был не бумажный, а грязный.

— да ну его, — сказал он и швырнул лист мне под ноги. — Пошли, мужики.

Они ушли по коридору — и я слышал за спиной, как они обернулись раз, ещё раз. Молча. Ясно, без слов: не надо было этого делать. Дальше по школе будем гулять не вместе, Артём.

Я поднял бумажку. Смятую, отмятую, в заламах. Стикман наклонился — аккуратно, бережно взял её из моих рук. Расправил каждую складку.

Провёл ладонью — как гладят.

Это был не мой. Ленты на ноге не было. Я посмотрел — специально. ОБЫЧНЫЙ, белый. Не мой.

А бумажка... Я успел увидеть пока он её расправлял. Список. Столбиком: «ул. Лесная — бабушка — лекарства»

«школа №2 — кот на дереве»

«мост — мальчик, вода»

Стикман свернул список, спрятал и пошёл по коридору — делать своё. Помогать. По адресам. А я стоял посреди школы и думал не о списке. И ещё я думал: пацаны сказали «не надо было».

А надо было?

Я стоял и понимал: да. Надо.

Потому что вчера я прошёл мимо окна с мужиком и розовым фломастером. А сегодня — нет. Один день разницы. Один лист. Вот такой получился школьный день.

Глава 3 Пьяный мужик

Вечером я лежал в кровати и думал о дне. Капец, думал я, пацаны там злые. А стикманы — они ничего не могут сделать. Они даже не разговаривают. Сминаются — и молчат.

Запирают — и молчат.

И тут мне в голову пришла идея. А может, их драться научить? Чтобы защищались. Самому показать: вот так — раз, и он падает. Стикман же может быть сильным, если постараться. Идея была интересная. Целых пять минут. А потом я подумал: а если они научатся — и начнут бить всех подряд? Не только обидчиков, а всех? Они же не разбирают, кто хороший, кто плохой. Они всем помогают. Вдруг тогда начнут всем мстить?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.